

Страницы истории рабочего движения

Социал-демократия и Weltpolitik

Возвышение Германии до великой державы заставило социал-демократию заняться вопросом Weltpolitik, мировой политики.

Выстраивание глобальной проекции немецкого капитала сопровождалось дискуссией по колониальному вопросу. По словам Франца Меринга, Бисмарк *«почти против своего желания [позволил] вовлечь [себя] в колониальную политику, жалкие результаты которой стояли в обратном отношении к тому шуму, с которым она была начата»*¹. Тот факт, что в 1884 г. он выбрал заморские завоевания, продвигаемые Берлинской конференцией, посвящённой разделу Африки, объясняется прежде всего потребностями политики баланса сил в Европе, а также внутренней и экономической политики. Серджио Романо отмечает, что Бисмарк использовал Африку, чтобы выиграть время для восхождения Германии в Европе. Он *«использовал Африку всякий раз, когда пытался дешево купить дружбу Франции. Он не верил в колонии и любил повторять, что его Африка находится в Европе: “Вот Россия, вот Франция, а мы посередине. Это моя карта Африки”»* (*“Disegno della storia d’Europa”*).

В мае того же года в рейхстаг было внесено предложение о финансировании торгового флота для открытия новых линий через Суэцкий канал и Индийский океан из Гамбурга в Гонконг, Японию, Сидней и на острова Самоа. Открытие этих торговых направлений должно было сопровождаться откровенно колониальными притязаниями в Того, Камеруне, Намибии и Восточной Африке.

Социал-империалистический дистиллятор

В книге *“Socialdemocrazia e imperialismo”* историк Франко Андреуччи говорит о *«зрелости и раскрытии позиций, которые во всей своей полноте проявятся между 1884 и 1885 годами по случаю дискуссии по колониальным вопросам, которая поставит [социал-демократическую] партию на грань раскола»*.

В этих дискуссиях 1880-х гг. автор видит инкубатор крупных баталий: *«Стоит задуматься о том, что после августа 1914 года, в процессе самых горячих дебатов внутри немецкой социал-демократии, Каутский в качестве прецедента, наиболее схожего с расколом, произошедшим в партии в начале Первой мировой войны, указывал именно на дебаты 1884 года о колониальном вопросе и финансировании судоходных компаний»*.

Бисмарк представил финансирование флота как часть социальных реформ, проводимых параллельно с принятием Исключительного закона против социалистов. Подъём судостроения обещал рост занятости в этом важнейшем секторе, от которого зависело множество мелких отраслей промышленности, а потенциальное расширение международной торговли могло дать дивиденды на внутреннем фронте. *«Всё это, – комментирует Андреуччи, – не могло не вернуть в повестку дня немецкой социал-демократии проблемы [...] социальных реформ и государственного социализма»*.

Sozialdemokrat и Berliner Volksblatt

В ходе разногласий цюрихская редакция *Sozialdemokrat* противостояла большинству парламентской группы, которая выражала своё мнение в *Berliner Volksblatt*, возглавляемой депутатами Вильгельмом Блосом и Вильгельмом Газенклевером. Расхождения в позициях были связаны не только с различным правовым положением двух газет – первая была нелегальной и печаталась за границей, а вторая оставалась легальной и подчинялась антисоциалистическому законодательству, – но и отражали тенденцию к оппортунизму, к которому в целом была склонна парламентская фракция.

Berliner Volksblatt, как и сам Бисмарк, проводила различие между финансированием флота и колониальной политикой, а также поддерживала правительственный проект по строительству трансокеанских линий, оправдывая это *«экономическими потребностями»* Германии. Известный издатель и партийный деятель Иоганн Г. В. Дитц занял такую же позицию в *Sächsisches Wochenblatt*: *«Это правда, что капитализм претендует на львиную долю доходов от производства и что рабочий класс, напротив, получает относительно ограниченное преимущество, но количество рабочих мест растёт, безработица снижается и, таким образом, предотвращается падение заработной платы. Ясно, что тот факт, что*

капитал забирает львиную долю, не может быть устранён простой национализацией, но верно и то, что государство обязано регулировать производство и потребление».

Умеренная критика, выдвигаемая берлинской газетой, ограничивалась моральным осуждением или применяла лассальянский подход, как в своём национальном видении, так и в призыве к государственному вмешательству: «[Нет] необходимости вести немецкую рабочую силу в зарубежные страны, в Германии можно было бы создать рабочие места для безопасности и пользы народа», – писала *Berliner Volksblatt* от 20 апреля 1884 г. Андреуччи цитирует письмо Бернштейна и Каутского Энгельсу от конца мая: «Блос руководит *Berliner Volksblatt* так, что Бисмарк был бы дураком, если бы запретил её. Их единственные “враги” – либерализм и манчестерская школа. [...] Естественно, они рекламируют государственную промышленность, государственные железные дороги, “гуманные” трудовые колонии и т. д. и т. д.».

Вмешательство Энгельса

Подробному изложению позиции Энгельса по колониальному вопросу мы посвятим отдельную статью. Пока же отметим, что его видение было органично вплетено в стратегию «непрерывной революции»², основанную на применении классового критерия и на перспективе революции в Европе.

Что касается тактики в Германии, в разгар борьбы по поводу антисоциалистических законов, Энгельс рекомендовал избегать раскола партии, тем более что расширение торговой сети является объективным фактом капиталистического развития.

Оппозиция в парламенте касалась буржуазного грабежа и защиты классовых интересов. 30 декабря 1884 г. Энгельс писал Августу Бебелю, что «[принципиально] надо было голосовать против» финансирования, но компромиссным решением могло бы быть голосование “за”, но выдвигая «условия [на которые] правительство не сможет пойти»: «За каждый миллион, который вы прямо или косвенно дарите буржуазии из рабочей мощны, рабочие тоже должны получить миллион»³. В самом деле, был бы «невероятный позор перед всем миром, если буржуазия [получила бы] дотацию благодаря вашим голосам и при том без возмещения!»⁴. В конце концов, в этом даже не возникло необходимости, потому что линия *Sozialdemokrat* смогла заставить всю парламентскую фракцию проголосовать против.

Энгельс также подчёркивает внутренний аспект колониальной политики Бисмарка. Бебелю, который сообщил, что правительственная пропаганда мало повлияла на массы, Энгельс ответил 11 октября 1884 г.: «Я очень рад, что колониальная афера не удаётся. Это был самый сильный козырь Бисмарка, отлично рассчитанный на психологию филистера, сулящий призрачные надежды и чреватый невероятно тяжёлыми, очень медленно окупающимися затратами»⁵.

Михаэль Штюмер подтверждает, что колонии «остались бездонными бочками», и добавляет: «Вскоре также стало ясно, что колонии не могут преодолеть пределы центрального положения Германии в Европе» (“*Das ruhelose Reich*”).

Weltpolitik и империализм

В 1890-е гг., на пороге империалистической эпохи, заокеанская гонка изменила свои черты по сравнению с эпохой Бисмарка. Историк Генрих А. Винклер в своей “*Der lange Weg nach Westen*” отмечает, что после завоеваний в Китае 1897 г. и новых приобретений в Тихом океане 1898–1899 гг. Вильгельм II, Бюлов и Тирпиц использовали «знамя мировой политики» во имя немецкой державы, способной бросить «вызовы, направленные на глубокое изменение международного баланса сил».

По мнению историка Пьера Гроссе (“*L’histoire du monde se fait en Asie*”), именно вторжение Германии в Азию в 1897 г. спровоцировало «грабительское нападение на северный Китай», ставшее одной из причин первой мировой войны.

В центре работ Энгельса в его последние годы находились глобальное развитие капитализма и надвигающаяся мировая война. Оживлённые дебаты велись и в среде правящего класса.

Юнкера и буржуазия

В мае 1895 г. Макс Вебер в речи во Фрайбургском университете выразил сожаление по поводу политической незрелости немецкой буржуазии, которая делегировала задачу по национальному объединению Бисмарку. Даже когда упадок экономической мощи юнкеров позволял немецкой буржуазии лишиться их политического влияния, она не проявила необходимого инстинкта власти. Винклер комментирует: *«Инструментом преодоления такой убогости стало возвращение в области мировой политики модели по образцу старых великих держав, таких как Англия и Франция»*. По мнению же Вебера, *«отправной точкой политики немецкой мировой державы»* должно было стать объединение Германии.

Канцлер Лео фон Каприви признавал необходимость перехода от аграрной страны к индустриальной: *«Мы должны экспортировать»*, – заявил он 10 декабря 1891 года в рейхстаге, подчёркивая контраст между консерваторами и аграриями. Винклер пишет, что *«[примерно] в конце века была обнаружена система, которая обещала урегулирование конфликтов экономических интересов»* и утверждение крупных групп в тяжёлой промышленности, судостроении, торговле и экспортном секторе, – *«морская политика»*.

Отцом этой политики стал контр-адмирал Альфред фон Тирпиц, олицетворявший модернизацию, так необходимую крупному капиталу. И, действительно, пишет Винклер, со времени революции 1848 г. *«существовала широко распространённая тенденция рассматривать военный флот как вооружённое крыло торгового флота и, следовательно, как “буржуазное” оружие, далёкое от аристократической армии»*.

Тирпиц и социал-демократия

Масштабная реструктуризация флота, которой желали император и Тирпиц, *«означала, прежде всего, создание наступательных возможностей и поэтому грозила отрицательно повлиять на отношения с главной морской державой – Великобританией»*.

«Однако в то же время, – замечает Винклер, – строительство флота было направлено и против внутреннего врага – социал-демократии». В конце 1895 г. Тирпиц писал главе имперского адмиралтейства генералу фон Штошу, что Германия должна перейти к мировой политике, *«и не в малых масштабах, так как в новых великих национальных задачах и в связанных с ними экономических прибылях найдётся сильный паллиатив против социал-демократов»*. По сравнению с попыткой создать санитарный кордон, маргинализирующий социал-демократов среди парламентских сил, путь Тирпица был более реалистичен и эффективен, учитывая, что СДПГ на тот момент являлась крупной массовой партией: кооптировать социал-демократов в широкий буржуазный консенсус, которого предполагалось достичь благодаря дивидендам, предоставленным Weltpolitik.

Джонатан Стейнберг в книге *“Yesterday’s Deterrent”* отмечает, что военно-морской флот *«был единственным национальным учреждением, которое не было испорчено прусскими ассоциациями, оно было индустриальным, сильным и прогрессивным. Тирпиц открыто ладил с социал-демократами»*.

Таким образом, в то время как Энгельс пытался привить социал-демократию от вируса оппортунизма и сделать её партией революции против капиталистической войны, представители господствующих классов действовали в противоположном направлении, разжигая тенденции, которые на практике проявятся сначала в ревизионизме Бернштейна, а затем приведут к тому, что II Интернационал совершит предательство в начале первой мировой империалистической войны.

Июнь 2023 г.

¹ - Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество “Просвещение”. Выпуск восьмой, 1896. С. 5. С. 251.

² - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 91.

³ - Там же. Т. 36. С. 224.

⁴ - Там же. С. 225.

⁵ - Там же. С. 185.